

ПРИУМНОЖАЯ НЕЗНАНИЕ

.....

Г. Ю. Фоменко

Развитие науки всё более и более превращает «известное» в неизвестное: *стремится* она как раз к *обратному* и исходит из инстинкта сведения неизвестного на известное.

Ф. Ницше

Существуют проблемы, которые, являясь общенаучными, особую остроту приобретают в русле психологии. Для того чтобы не быть голословными, обратимся к рассуждениям на тему, вынесенную нами в заглавие статьи, к авторитетному мнению. В.В.Налимов утверждает: «Мы отдаём себе отчёт в том, что всякая попытка построения модели личности несёт в себе не только и не столько знание, сколько незнание. Чем глубже и отчётливее мы зарисовываем образ личности, тем отчётливее выступают перед нами паттерны того, чего мы не знаем. Выявленное незнание даже важнее, чем полученное знание. Незнание всегда богаче нашего знания. Незнание – то незнание, контуры которого мы можем обрисовать, провоцирует нас, заставляет нас искать, заставляет удивляться Миру и нашему в нём бытию. В этом удивлении жизнь наполняется смыслом. Исчезает то страшное, что современные психиатры склонны называть *экзистенциальной пустотой*» [2, с. 14].

На наш взгляд, выработка подобного мироощущения, а на его основе и специфического способа существования – это та задача, постановке которой и попытке её решения должна способствовать система образования. В то же время непрекращающееся расширение «объёма незнания» – своеобразный критерий поступательного профессионального развития специалиста. Однако подобное положение дел естественным образом порождает у специалиста внутренний дискомфорт, преодолеть который можно разными путями.

* Фоменко Галина Юрьевна — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.

В психологии ситуация усугубляется дефицитом устойчивого знания, обилием альтернативных моделей понимания и изучения психического. А.В. Юревич (хотелось бы сказать, полемически заостряя проблему, а на самом деле синтезируя очевидное) говорит о том, что в психологии отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, *несоизмеримы* друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признаётся другими; отсутствует сколь-либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обростание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом и т. д. [23, с. 3–4]. Соответственно проблему интеграции научной картины профессиональных представлений каждому специалисту приходится решать самостоятельно. В данной статье мы обращаемся в качестве иллюстративного примера к собственному опыту, размышляем о том, как попытки справиться с этой проблемой приводят к возрастанию объёма незнания и расширению круга проблем, требующих дальнейшего более глубокого рассмотрения.

Каждый специалист, пытаясь упорядочить свой профессиональный опыт, неизменно обращается к проблеме *интеграции*. Попытаемся обозначить её *структурные составляющие применительно к психологии*. Выделение их, на наш взгляд, необходимо начинать с *проблемы интеграции исследовательской и практической психологии*. Этот вопрос выходит для нас на первый план, с одной стороны, в силу профессионального статуса самого автора (в ходе своей деятельности задействованного одновременно в этих двух направлениях психологии), с другой стороны, вследствие усугубляющегося раскола, «схизиса» между исследовательской и практической психологией [1], который А.В. Юревич называет одним из симптомов кризиса психологии. Относительно проблем интеграции в психологической науке американские психологи Лоуренс Первин и Оливер Джон выделяют следующие три составляющие:

- 1) *интеграция теории и исследований* (в основе их книги «Психология личности» лежит стремление продемонстрировать связь между теорией личности и эмпирическими исследованиями личности, т. е. показать, как развитие в одной из этих областей может и должно порождать развитие в другой);
- 2) *интеграция индивидуального случая с теорией*;
- 3) *объективное, равноправное отношение к разным теоретическим подходам* [4, с. 30].

В плане осмысления проблемы интегративности можно выделить и другие её составляющие. Прежде чем их перечислить, напомним, что интеграция (лат. *integratio* – восстановление, восполнение, *integer* – целый) – это объединение в целое каких-либо частей, элементов. Интеграция – это поиск общего в различ-

ном, а не механическое соединение фиксированных различий. Итак, структурными составляющими проблемы интеграции, помимо названных, являются:

1) сближение различных типов рациональности (метадигм, по А.В. Юревичу) – западной науки, восточной науки, религии, паранауки (сближению различных метадигм способствует то, что любая из них в качестве системы *объяснения* мира неполна, не способна объяснить все переживаемые человеком события, и поэтому они регулярно заимствуют объяснительные схемы друг у друга [23, с. 9]);

2) интеграция изучения теорий личности, диагностических процедур и психотерапевтических (психокоррекционных) воздействий;

3) комплексное рассмотрение явлений на физиологическом уровне, психологическом и философском;

4) рассмотрение явлений в русле нормы и патологии;

5) подход к изучаемому явлению со стороны разных способов познания: теоретического, эмпирического, экспериментального, интуитивного и т.п.

Исследование личности в практической деятельности (в нашем случае – в клинической психологии и при психофизиологическом отборе кандидатов на службу в силовые ведомства) начинается прежде всего с обращения к характерологии. Пытаясь сориентироваться в характерологическом многообразии индивидов, мы неизменно обращаемся за помощью к тем или иным типологиям, не забывая о том, что типологии – это всегда упрощение, интеллектуальный приём для того, чтобы сделать нагляднее и более выпуклым известное сходство в людях, найти опорные точки, более твёрдую почву для продуктивной ориентировки в многообразии индивидуального материала. Для повышения точности диагностирования индивидуального своеобразия конкретного человека нами используются теоретические типологические схемы П.Б. Ганнушкина, К. Леонгарда, А.Е. Личко, Дж.М. Олдхэма и Л.Б. Морриса, Н. Наранхо и типология Майерс – Бриггс, имеющая в своей основе юнговскую классификацию психологических типов.

При оперировании перечисленными типологическими подходами возникает ряд трудностей. Преимущественная опора на одну из них сразу же задаёт определённую внутреннюю «систему координат», как бы исключая остальные из поля зрения. Это лишает исследователя так называемой панорамности мышления, столь необходимой практике. Причина же данного явления кроется в отсутствии предварительной теоретической работы по содержательному сопоставлению всех указанных типологических схем.

Соответственно, жизненно важной является проблема надёжных ориентиров в этом обилии научных направлений, причём не на схематически-классификационной основе, а в сущностно-содержательном плане. Это привело нас к созданию дифференциально-типологической модели анализа личности [7].

Подчеркнём, что, не претендуя на теоретическую безукоризненность и чистоту, наша модель достаточно наглядна и функциональна; позволяет осуществить синтез используемых типологических схем и одновременно даёт возможность выделить внутренние сущностные механизмы его функционирования, а также более дифференцировано использовать их в индивидуальной психодиагностике и психокоррекционной работе. С помощью дифференциально-типологической модели личности мы можем также проанализировать *неосознанные мотивы* поведения человека и их взаимосвязь с когнитивными особенностями и экзистенциальной проблематикой, выделить и рассмотреть системы противоречий в различных бытийных пространствах личности [5; 7].

Создание дифференциально-типологической модели анализа личности, казалось бы, частично приблизило нас к тому, чтобы «всё это Вавилонское сообщество заговорило на одном языке», позволило индивидуализировать работу с клиентами, однако на этом фоне возникла группа новых вопросов. В первую очередь нас интересовало, каким образом можно научиться рассматривать и решать вопросы профессионального отбора и психологической работы с кадрами в контексте масштабных задач, стоящих перед ведомством в целом.

Речь прежде всего идёт о том, что автору в контексте практической и научной работы (каждое из направлений – часть единого целого) приходилось постоянно находиться внутри встречных процессов. С одной стороны, обобщение и концептуализация практического опыта, с другой стороны, осмысление методологических основ нашей науки и общетеоретических положений применительно к решаемым прикладным проблемам. По мере накопления профессионального опыта приходило ясное понимание того, что применение общепсихологической методологии к анализу конкретных социальных проблем и явлений позволяет разрабатывать соответствующие теории, концепции и решать частные вопросы на фундаментальном уровне. В то же время всегда присутствовала необходимость показать значимость результатов, казалось бы, сугубо академических исследований для объяснения процессов, происходящих в современном обществе в целом.

Перед каждым практическим психологом встаёт проблема интеграции теоретических оснований психологического знания и целостного научно-практического мышления.

Интегративный подход был применён нами при обследовании поступающих на службу в силовые ведомства и создании программы медико-психологического сопровождения сотрудников, выезжающих в служебные командировки в районы боевых действий.

На основании концептуализации собственного практического опыта, а также рассмотрения общеметодологических принципов развития, детерминизма и системности применительно к проблемам психологического обследования, изучения личности и воспитания нами была создана методология прикладного

психологического исследования [7]. Коротко перечислим принципы, которые легли в её основу.

1. *Принцип единства методологии и практики.* Его суть заключается в необходимости осмысления узких задач прикладного плана на качественно ином, более высоком уровне на основе общенаучных принципов развития, детерминизма и системности.

Основные положения этого принципа излагались нами в виде наглядной иллюстрации его применения к проблеме повышения эффективности взаимодействия структурных подразделений, занимающихся кадровой, психологической, воспитательной работой с поступающими на службу в ОВД, стажёрами и молодыми сотрудниками.

2. *Принцип личностно-центрированной диагностики.* Его суть заключается в следующем: поскольку влияние личности обследуемого на исход психологической диагностики является решающим, то основные резервы эффективности психодиагностической процедуры заключены в области совершенствования отношений между обследуемым и психологом.

3. *Принцип динамически-конструктивной диагностики.* Практическая работа, осуществляемая в русле психологического отбора сотрудников, всегда очень остро ставила проблему сопряжения их психологического изучения и выработки на этой основе дальнейшей адекватной тактики и стратегии воспитательной работы и психокоррекционных воздействий. Возникает очень интересная и сложная задача преемственности диагностических процедур и дальнейших конструктивно-развивающих технологий. Пунктом, объединяющим эти два направления работы, синтезирующим их, нам видится применение биографического метода, а шире – подхода к реализации задач, стоящих перед обоими направлениями.

Принцип динамически-конструктивной диагностики позволяет рассматривать каждое жизненное явление так, как будто в нём сосуществуют одновременно прошлое, настоящее и будущее, подчинённые определённой целевой установке.

4. *Принцип индивидуализации обследования через дифференцированное использование типологических схем анализа личности* [7; 15]. Генеральной линией деятельности психологов силовых ведомств всегда была нацеленность на предотвращение личностной и профессиональной деформации сотрудников.

Подобная установка требовала максимальной индивидуализации в работе с кандидатами на службу в силовые ведомства, а также с любым сотрудником, если он попал в поле зрения медиков и психологов. Индивидуализация обеспечивалась также максимальной интеграцией информации со всех уровней жизнедеятельности кандидата, а впоследствии стажёра и сотрудника.

Опора на методологические ориентиры, задаваемые данными принципами, позволяет приблизиться к решению задачи развития способности человека к осознанию и осмыслению своей жизни, а не восприятию её как цепи случайных событий. Именно на их основе осуществляется анализ каждого эмпирического случая и выстраивается концептуальный подход к формированию стратегии диагностико-воспитательных и диагностико-коррекционных мероприятий.

Дальнейшая работа в этом направлении предполагает создание нового методического арсенала, направленного на стимуляцию смыслопоисковой активности человека. Данная структурно-организационная система, функционирующая в рамках решения вопросов отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел и при должностных перемещениях сотрудников, была использована, хотя и с определенными модификациями под задачу иного порядка, при отборе сотрудников для участия в контртеррористических операциях и их дальнейшем психологическом рассмотрении.

Принципы построения этой программы, её содержание, этапы реализации были достаточно подробно освещены в публикациях [6–12].

Однако работа по направлению, которое условно на тот момент могло быть обозначено как «личность в экстремальных условиях», велась нами на гораздо более широких основаниях. Так, нами изучались особенности профессионализации сотрудников силовых ведомств [9; 10; 21]; особенности эмоциональных и личностных изменений военнослужащих различных родов войск, принимающих участие в боевых действиях [20]; специфика эмоционально-волевой сферы сотрудников МЧС в зависимости от уровня классности [19]; проводилась работа с экзистенциальной проблематикой заключённых исправительно-трудовых учреждений [22]; исследовалось качество жизни больных туберкулёзом и сахарным диабетом [16; 18].

Однако осмыслить весь массив эмпирического материала и теоретических разработок именно на том уровне, который оформился в предлагаемую нами тематику исследований «Личность и бытие: предельное существование как повседневная реальность», позволили тенденции современного этапа развития психологии. А именно: расширение предметного поля нашей науки (до масштабов «личность и бытие»), возможность соотнесения с философскими мировоззренческими горизонтами и использование в качестве методологической основы субъектного подхода. Последний рассматривается нами в качестве принципа, позволяющего переосмыслить различные философско-антропологические концепции в контексте изучения специфики бытия личности в условиях предельного существования.

Предметное поле «личность и бытие» дает возможность не ограничиваться анализом поведения человека только в контексте конкретной ситуации, а также в соотношении «личность – среда», а подняться до уровня осмысления

происходящего в реальном бытии личности во всём динамизме и многогранности этого процесса.

В связи с этим многие психологические феномены применительно к жизнедеятельности и профессионализации сотрудников силовых ведомств, и прежде всего спецподразделений, можно рассматривать в свете специфичного модуса их бытия. Причём эта специфика изучается нами не в плане традиционного анализа перегрузок экстремального и сверхэкстремального характера, а именно в аспекте существования, которое было обозначено применительно к данной категории лиц как предельное.

Предельность существования с самого начала связывалась нами прежде всего с *обострением экзистенциальных противоречий* ввиду постоянно балансирующей личности на грани жизни и смерти, с повышением степени вероятности последней как в прямом, так и в психологическом смысле. Профессиональные и жизненные обстоятельства данной категории лиц требуют постоянного выхода за пределы своих возможностей – *трансцендирования* с целью продуктивного осуществления своих непосредственных профессиональных обязанностей в условиях преодоления нагрузок, субъективно непереносимых и не приемлемых для «обычного» среднестатистического человека, при необходимости сохранения при этом *целостности* собственной личности.

Сознательный и высокомотивированный выбор именно данного модуса бытия позволяет ставить вопрос о рассмотрении *специфики субъектов предельного существования*. А сам модус их бытия во всей противоречивости и неоднозначности можно представить как модель для широкого класса явлений применительно к другим категориям лиц, с иной профессиональной направленностью (спорт, политика, топ-менеджмент, шоу-бизнес и т. п.). Изучение вопроса о возможности аутентичного бытия сотрудников спецподразделений в условиях предельного существования требует анализа механизмов самодетерминации личности, сложной диалектики внешних и внутренних условий в рамках дихотомии «свобода – детерминизм». Актуальность данной темы, на наш взгляд, определяется также тем, что о предельном существовании мы можем говорить не только применительно к специфике бытия личности в её профессиональном пространстве, характеризующемся «предельными» нагрузками, при сознательном и целенаправленном выборе, но и в случае вынужденного, обусловленного совокупностью внешних обстоятельств такого способа бытия. Поясним, что здесь мы имеем в виду людей, оказавшихся лицом к лицу с болезнью, серьёзно снижающей качество их жизни, а также людей, поставленных социально-политической и экономической ситуацией на грань физического выживания.

Обращение к понятию «способ существования» выводит нас на широкий круг проблем в области междисциплинарных исследований. Нами сделаны

первые попытки при изучении качества жизни больных сахарным диабетом и психологических проблем женского бесплодия выйти на специфику способов существования, присутствующих данным категориям лиц [15–18].

Исходя из изложенного, мы видим, что наблюдается постоянное расширение проблемного поля исследований с одновременным наращиванием мощности объяснительного потенциала предлагаемых теоретических построений и методологических принципов. Разрабатываются собственные методологические подходы и методические приёмы. Естественно, описанный нами процесс не осуществлялся линейно и поступательно, таковым в нашем изложении мы его сделали для наглядности. Кроме того, ввиду ограниченности объема статьи мы указали не все направления проводимых нами исследований. Добавим только, что нами изучаются проблемы истинного и условного существования, а также взаимосвязанные с этим проблемы технологии скрытого управления человеком.

Главное, что постепенно вырисовывается методологический и теоретический «стержень», который позволяет изучать указанные проблемы не эклектично, а достаточно системно.

Завершить статью хотелось бы словами исследователя, с высказывания которого мы и начали нашу статью. В.В. Налимов подчёркивает следующее: «Думается, что степень осознаваемого нами незнания всё время будет расти, по крайней мере, до тех пор, пока мы будем осознавать себя людьми. И именно к этому мы, прежде всего, должны быть готовы при попытке понять природу человека.

В непрерывном расширении горизонта нашего незнания и приобщения к Миру в том его величии, которое раскрывается нам в осознании всей грандиозности его *незнания*, – *наверное, прежде всего и заключается смысл нашего существования*» [2, с. 15].

Библиографический список

1. *Васильюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
2. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
3. *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994.
4. *Первин Л., Джон О.* Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. М.С. Жамкочьян; Под ред. В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2001.
5. *Рябкина З.И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1995.
6. *Флоровская Г.Ю.* Медико-психологическое сопровождение сотрудников, командированных в зоны служебно-боевого применения (предварительные итоги) // Основные направления развития межрегиональной системы социально-психоло-

- гической поддержки населения: Матер. XIII регион. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000.
7. *Флоровская Г.Ю.* Методология психологического обследования и воспитания личности как субъекта самопознания и саморазвития (на материале сотрудников органов внутренних дел ГУВД Краснодарского края): Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
 8. *Флоровская Г.Ю.* Предварительные итоги практической реализации программы по медико-психологическому сопровождению и реабилитации сотрудников ГУВД Краснодарского края, командированных в зону ЧС // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: Сб. тез. выступлений участников региональных семинаров практических психологов. М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 2000.
 9. *Флоровская Г.Ю., Галкина А.С., Фурса О.А.* Динамика самовосприятия и переструктурирование «картины мира» у лиц, побывавших в «горячих точках» // Основные направления развития межрегиональной системы социально-психологической поддержки населения: Матер. XIII регион. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000.
 10. *Флоровская Г.Ю., Ковалёва Л.В.* Профессия как образ жизни (специфика самосознания участников боевых действий) // Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном обществе: Тез. докл. науч.-практ. конф. Краснодар, 2001.
 11. *Флоровская Г.Ю., Левченко Б.Д., Ковалёва Л.В.* Системный подход в реализации Программы медико-психологического сопровождения и реабилитации сотрудников ОВД в процессе профессиональной деятельности // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск МВД России. М.: Управление воспитательной работы ГУК и КП МВД России, ЦОКП МВД России, 2000.
 12. *Флоровская Г.Ю., Сазыкин Л.А., Тимченко С.М., Ковалёва Л.В.* Медико-психологическое сопровождение сотрудников, выполнявших служебно-боевые задачи в экстремальных условиях // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск МВД России. М.: Управление воспитательной работы ГУК и КП МВД России, ЦОКП МВД России, 2000.
 13. *Фоменко Г.Ю.* Оптимизация психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел при выполнении служебно-боевых задач // Материалы III Всерос. съезда психологов: В 8 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. 8.
 14. *Фоменко Г.Ю.* Психологические проблемы сотрудников, выполняющих служебные задачи в районах со сложной оперативной обстановкой (на материале сотрудников органов внутренних дел) // Личность и бытие: теория и методология: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
 15. *Фоменко Г.Ю.* Социально-психологические аспекты проблемы женского бесплодия // Личность как субъект экономического бытия: Гендерный аспект. Теория и практика гендерного анализа / Под ред. Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005.
 16. *Фоменко Г.Ю.* Социально-психологические факторы качества жизни больных сахарным диабетом (гендерные аспекты) // Личность и бытие: субъектный подход:

- Матер. II Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Кн. 3. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
17. *Фоменко Г.Ю., Ермошенко Б.Г., Крутова В.А.* Целостность личности в контексте психологических проблем женского бесплодия // *Личность и бытие: Субъектный подход. Психология субъекта и гендерные аспекты бытия личности* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Кубан. гос. ун-т, 2005.
 18. *Фоменко Г.Ю., Колесников В.В., Безоян Н.С., Белоножкин С.А., Слаута Ю.С.* Роль психоэмоционального статуса больных сахарным диабетом в улучшении качества жизни // *Наука Кубани*. 2003. № 3.
 19. *Фоменко Г.Ю., Резец Г.Ю.* Специфика профессионализации спасателей МЧС: особенности тревожности и рискованного поведения в зависимости от уровня «классности» // *Личность и бытие: Личность и профессия: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
 20. *Фоменко Г.Ю., Рожкова Г.В.* Сравнительный анализ психологических состояний у военнослужащих различных родов войск – участников боевых действий // *Личность и бытие: субъектный подход: Матер. II Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Кн. 3. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
 21. *Фоменко Г.Ю., Фурса О.А.* Особенности адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел к служебной деятельности // *Матер. III Всерос. съезда психологов: В 8 т. СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. 8.*
 22. *Фоменко Г.Ю., Чугайкова Т.В.* Проблема поиска смысла существования (на материале спецконтингента ИТУ) // *Личность и бытие: субъектный подход: Матер. II Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. Кн. 3.
 23. *Юревич А.В.* Системный кризис в психологии // *Вопросы психологии*. 1999. № 2.